Вскоре после этого обмена репликами все вещи были упакованы, а лошади и повозки подготовлены к отправлению.

Движением каравана управлял мужчина по имени Чжан Юэхань. По его распоряжениям, Хуан Вань находился в центре процессии, тогда как Бай Юньфэй неспешно следовал за ними в хвосте.

Юноша частенько перекидывался фразами с Тан Синьюнь, Тяньмин постоянно вклинивался со своими мыслями, улыбаясь до ушей, а тётушка Чжао, естественно, занимала позицию между Юньфэем и девушкой, словно защищая подопечную от этого “сомнительного” персонажа.

Из разговоров Бай Юньфэй почерпнул, что полное имя тётушки – Чжао Маньча; она была горничной матери Тан Синьюнь. Эта женщина также долгое время была нянькой девушки, так что, когда Тан Синьюнь решила отправиться в путешествие, её мать приказала Чжао Маньча сопровождать её и защищать.

Однако же, чтобы прислуга вроде Чжао Маньча была на ступени Ядра Духа… Бай Юньфэй догадывался, что их клан, мягко скажем, очень силён. Также, каждый раз, когда речь заходила о матери, чуткий Бай Юньфэй замечал нотку печали в глазах Тан Синьюнь. Похоже, “дом” не слишком баловал мать и дочь заботой и любовью…

Нечаянно проболтавшись о тайне своей личности, Тяньмин решил больше не сдерживаться и завалил их рассказами о том, как ему жилось в Гаои. Он увлечённо вещал о том, как чуть не помер со скуки в родном поместье, и как самовлюблённые отпрыски аристократических семей заставили его презирать “благородство” и спесь знати. Словно впервые в жизни имея возможность высказаться, Тяньмин говорил без умолку. Он даже разболтал пару «вещей», о которых не следовало бы говорить, например, о том, что в их семье есть мужчина, больше похожий на жирную свинью, чем на человека. При этом он искренне мнил себя красавчиком, но у Тяньмина при виде его толстого тела возникало лишь одно желание – выбить из него весь этот жир. Зато на младшую сестру этого “красавчика” действительно приятно было смотреть, у неё был удивительно ясный и проницательный взгляд…

Слушая молодого человека, Юньфэй невольно то краснел, то бледнел. Было очевидно, что Тяньмин слишком засиделся дома. Он был безмерно счастлив “вырваться на свободу”, и постоянно твердил о всех горестях, что ему приходилось терпеть в кругу семьи. Разумеется, немаловажную роль в его разговорчивости сыграло то, что Бай Юньфэй и Тан Синьюнь были настроены к нему дружелюбно. Впрочем, как бы там ни было, никаких настоящих секретов семьи Е Тяньмин не выдал. Он хорошо чувствовал эту грань и менял тему всякий раз, когда вопрос становился чересчур щекотливым.

Когда солнце начало заходить за горизонт, караван облюбовал новую просторную площадку под лагерь и остановился на ночёвку. Если верить Хуан Ваню, то они преодолели где-то половину пути до города Гуи. С их текущей скоростью передвижения караван доберётся до него дня через три.

С приближением темноты несколько небольших отрядов отделилось от каравана, чтобы найти подходящее место для лагеря.

Глядя на бурную активность всех и каждого, Бай Юньфэй остро ощутил свою бесполезность, и с самого утра ломал голову, пытаясь придумать, чем бы и он мог им помочь. В итоге он решил, что мог бы побродить вокруг лагеря и попытаться найти какую-нибудь дичь, чтобы разнообразить общий рацион мясом.

Юноша надеялся, что в пределах километра от группы он сможет найти какого-нибудь зайца, фазана или ещё что. Почему не попытаться зайти дальше? Что за вздор! Если Юньфэй вдруг потеряется, им придётся отрядить кого-нибудь на его поиски. Случись такое, и он просто сгорит со стыда!

«Ка…какой упитанный фазан! О, да тут их целых три! Ха-ха, сегодня у нас будет царский ужин!» — при виде птиц, затаившихся в густых зарослях, глаза Юньфэя заблестели. Миг – и три кинжала мгновенно устремились к своим целям…

Связав тушки за тонкие лапки тростником, найденным поблизости, Бай Юньфэй неспешно побрёл через лес обратно. Завидев лагерь, он почувствовал облегчение и радость.

Только сейчас, успешно завершив вылазку, он осознал, что находился гораздо дальше, чем в километре от остальных. Вспотев от стыда, Юньфэй ринулся к лагерю, когда внезапный звук за спиной привлёк его внимание.

«А? Бай Юньфэй, это действительно ты?!»

Это был по-настоящему пугающий опыт для юноши. Если эксперт на ступени Ядра Духа, вроде него, не способен обнаружить чужого присутствия на таком ничтожном расстоянии… Страшно даже подумать, что было бы, если бы это был враг.

Бай Юньфэй как ни в чём не бывало прошагал ещё несколько метров, после чего стремительно развернулся, взяв оружие наизготовку. Но тут же понял, что в его правой руке вовсе не кинжал, а три птичьих тушки. Он торопливо тряхнул рукой, доставая из кольца кинжалы, и настороженно уставился на человека позади себя.

В нескольких метрах от него стоял юноша с крохотным носом и глазами-щёлочками. Он смотрел на Юньфэя со странным выражением на лице. Это была радость?..

«Кто ты такой?» — брови Бай Юньфэя сошлись на переносице, а его духовное восприятие цепко ощупало фигуру незнакомца. Этот подозрительный молодой человек выглядел, словно обычный мирянин без каких-либо отличительных особенностей. Однако тот факт, что Юньфэй не смог обнаружить его загодя, вызвал у юноши странное чувство дежавю…

«Ты жив, это чудесная новость! Я слышал отголоски того светопреставления, что творилось за городскими стенами. Я переживал, что тебя там убили!» — незнакомец с преувеличенной радостью вздохнул и покачал головой.

«Цзин Минфэн!» — наконец осознал Бай Юньфэй, вытаращив глаза. Это действительно был он! Просто паршивец снова сменил свой облик!

Минфэн усмехнулся и подмигнул: «Кто же ещё? Ха-ха, Бай Юньфэй, я действительно рад, что тебе удалось уйти! Если бы ты там помер, я бы не смог спокойно спать».

В его словах не было ни тени раскаяния. Он словно разговаривал со старым другом. Юноша развёл руки, приближаясь к Юньфэю, словно собираясь его обнять.

Он явно не притворялся, вид живого и здорового Юньфэя принёс радость и мир в его душу.

Бай Юньфэй также ощутил всплеск эмоций. Он положил фазанов на траву и, вытянув руки, зашагал к юноше.

Улыбка на лице Цзин Минфэна стала ещё шире: «Так здорово, что мы сно…!»

«Ублюдок! Я должен тебя арестовать! Верни моё честное имя!!!» — в тот миг, когда они сблизились, руки Бай Юньфэя устремились прямо к горлу Цзин Минфэна. Он начал душить его, стиснув зубы от ярости.

«Я… я… я всё объясню! Стой, позволь… позволь мне извиниться, ладно? Ха-а, ха-а…» — лицо Минфэна побагровело, он отчаянно пытался вдохнуть глоток воздуха.

«На кой чёрт мне сдались твои извинения! Меня почти убили там из-за тебя, и даже сейчас кое-кто называет меня “мерзким извращенцем”! Я сделаю из тебя отбивную и повешу на стену! Ты хоть понимаешь, сколько людей видело меня в тот день?! Моё доброе имя! Почему?! Ублюдок!» — Юньфэй схватил его за воротник и с силой встряхнул, после чего швырнул в сторону метров на десять.

Когда тело юноши готово было упасть на землю, Бай Юньфэй уже поравнялся с ним. Опасный огонёк в его глазах не предвещал Минфэну ничего хорошего.

«Нет! Дай объяснить! Я извиняюсь! Правда! Я гово…»

«К дьяволу твои извинения! У меня столько претензий, что я даже не знаю, с чего начать! Я поклялся, что если снова увижу тебя, то изобью так, что мать родная не узнает! Извинения? Подожди, пока я с тобой не закончу!» — Юньфэй и слушать ничего не хотел.

Сдавленные крики боли и глухие удары разносились далеко вокруг, так что даже Тан Синьюнь с остальными обратили внимание на происходящее.

Несколько минут спустя крики затихли, словно жертва уже устала стонать. Вскоре прекратились и звуки ударов…

«Лорд Бай, что слу…»

Голос оборвался на середине фразы, когда Бай Юньфэй повернул голову на звук. Перед ним стояли Тан Синьюнь, Чжао Маньча, Тяньмин и даже Хуан Вань. Все они, оторопев, взирали на него и на то, что он держал в руках. Это… человек?

«Мисс Тан, тётушка Чжао, вы вовремя! У меня наконец-то есть доказательства моей невиновности! – Бай Юньфэй приподнял свою жертву за одежду и обратился к женщинам. – Именно этот человек изображал меня в тот день и доставил вам неприятности! Это он “мерзкий извращенец”, а я тут вообще ни при чём!»

«Э-э-э? Хотите сказать, что это был он?»

Тан Синьюнь всмотрелась в незнакомца. В данный момент он больше походил на свинью, чем на человека. Всё его лицо было в ссадинах и заплыло. Вопрос девушки прозвучал крайне неуверенно.